

УДК 82-31; 82:801.6; 82-1/-9; 821(091)
DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-226-235

СОТЕРИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПОВЕСТИ В. СОРОКИНА «МЕТЕЛЬ»

Е. А. Полева

Томский государственный педагогический университет, Томск

Анализируется пространственная организация, образы персонажей и интертекстуальные приемы, посредством которых раскрывается сотериологическая проблематика повести В. Сорокина «Метель». Наряду с мотивом спасения анализируются антонимичные ему мотивы гибели, смерти, болезни, энтропии. В повести проверяются христианская и секулярные версии спасения, осмысливается образ русского интеллигента, взявшего на себя ответственность спасителя, но не способного уберечь даже себя (ни духовно, ни физически) и нуждающегося в помощи другого.

Ключевые слова: современная русская литература, постмодернизм, В. Сорокин, мотивы спасения и гибели, мотивы пути и остановки, образ метели, диалог с литературной традицией.

В христианстве необходимость спасения обусловлена представлением о нарушенном миропорядке, болезни бытия после грехопадения, обреченным присутствием зла в мире: «Отторгнув себя от Источника Жизни, человек добровольно поставил себя в состояние, которое должно было привести к распаду, тлению..., подверг себя страданиям, болезням и смерти» [1]. Индивидуальное спасение достигается праведной жизнью, соблюдением заповедей, покаянием для очищения от грехов: «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни...» [2, с. 271]. Восстановление мира, каким он был до грехопадения, описано в Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсисе) о спасении, которому будет предшествовать Страшный суд. После него для праведных, спасшихся «...смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» [2, с. 270].

В отечественной философско-культурологической мысли конца XIX – первой трети XX века оформляются версии исправления бытия и спасения человечества *человеком*. Сюда вписываются идеи русского космизма (Н. Фёдорова, К. Циолковского), концепции социальных преобразований (секулярные варианты рукотворного рая на земле,

светлого будущего). В сотериологическом контексте могут быть рассмотрены и научные идеи XX в. о продлении жизни, медицинском вмешательстве в судьбу человека для отсрочивания (в перспективе – отмены) смертности человека.

Разные идеи и версии спасения стали предметом осмысления в целом ряде современных произведений (романы А. Королёва «Быть Босхом», В. Шарова «Воскрешение Лазаря», Е. Водолазкина «Лавр» и др.), в этом ряду и повесть В. Сорокина¹ «Метель» (2010).

Повесть вписывается в «метельный код» русской литературы². К. А. Нагина отмечает существование двух инвариантов «сюжета *метели*: инфернальный и позитивный, упорядоченный», в которых стихия интерпретируется как «хаотическое бесконечное кружение, отражающее неразрешимость главных проблем бытия» или «путеводительная стихия» (курсив Нагиной. – *Е. П.*) [6, с. 6]. Литературный «сюжет метели» восходит к библейскому мотиву «бури в пустыне» (истории Иова, пророка Ионы и др.). Как отмечает К. А. Нагина, «Необходимым элементом сюжета (метели. – *Е. П.*) являются мотив испытания/инициации и взаимодействующий с ним мотив этического самоопределения персонажа» [6, с. 6]. Достойное про-

¹ Творчество В. Сорокина (род. 1955) в 1980–1990 годы развивается в русле соц-арта, отражающего кризис *социокультурных* утопий и вскрывающего через деконструкцию устоявшихся общественных представлений социальный абсурд. В 2000-е годы он выходит к *историко-философской* и *онтологической* проблематике; произведения «нулевых» демонстрируют сфокусированность сюжетики Сорокина на проблематике национальной идентичности, которую писатель осмысливает как метафизическую» [3, с. 202]. Не эмигрировавший из Советского Союза андеграундный писатель сегодня ведет жизнь иммигранта, не разорвавшего связи с Россией, свободно выбирающего место жизни. Предпочтение заграницы для творчества В. Сорокин объясняет необходимостью внеаходимости для объемного взгляда на предмет художественного осмысления: «И если взять Гоголя, Достоевского, Тургенева – им окружающая Россия тоже часто мешала сосредоточиться, раздражала (*смеется*). Это нормально. Я придумал идею „Льда“ в Японии в очень жаркий месяц. „Метель“ я начал в Берлине...» (курсив интервьюера. – *Е. П.*) [4].

² Название «Метель» отсылает к ряду пушкинских произведений, в числе которых одноименная повесть и «Капитанская дочка», а эпиграф ориентирует на творчество А. Блока, у которого образ метели связан с российской ментальностью, с темой социально-исторических перемен в России [5]. Повесть на интертекстуальном уровне также корреспондирует с произведениями В. А. Жуковского, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, включающими образ метели.

хождение испытания приводит к спасению / счастью / обретению гармонии, недостойное – к гибели. Отправляя персонажей в путь в метель, В. Сорокин также моделирует ситуацию проверки их верности своим убеждениям.

Соединение в повествовании признаков разных исторических периодов (перемещение на лошадях, в завязке особенности речи персонажей, соответствующие XIX в., автомат Калашникова, «радио», сопровождающееся голографическим изображением и управляемое дистанционно, «сталинская эпоха», давняя даже для прадедов персонажей и т. д.) служит указанием на условный, а не миметический характер повествования, на авторскую установку выявить семантику устойчиво повторяющихся в русской истории ситуаций. В. Сорокин отметил, что «Метель» – вещь в большей степени литературная, экзистенциальная...» [7]. Диалог с традицией³ выражает установку В. Сорокина на переосмысление сквозных вопросов русской литературы.

В завязке сюжета повести «дохтур», «барин» Платон Ильич Гарин, несмотря на надвигающуюся метель, требует от станционного смотрителя лошадей для поездки в Долгое. Настойчивость врача вызвана осознанием собственного долга – *спасать* людей от эпидемии «чернухи», вызванной укусами восставших из земли зомби: «Да вы понимаете, батенька, что там люди *умирают?*» (здесь и далее, где не указано иное, курсив мой. – Е. П.); на что смотритель отвечает: «Люди *православныя помирают*, беда, как же не понять!» [8, с. 6]. Сотериологическая задача предопределяет сюжетную ситуацию и ее развитие: доктор уверен, что без него, обладателя специальных знаний и вакцины, погибнут люди. Его возницей становится Перхуша, чья работа также направлена на поддержание жизни – он хлебовоз. Становится очевидно, что спаситель не способен осуществить свою миссию без помощника: «Ему стало ясно, что *Перхуша доведет его*, что бы ни случилось, и он успеет к людям и *спасет их от страшной болезни*» [8, с. 31].

В целом анализ сюжета повести позволяет выделить два уровня смысла спасения. В первую оче-

редь обнаруживается профанный, секулярный (но масштабный и значимый) слой: жители Долгого нуждаются в физическом спасении от смертоносной эпидемии, от губящей народ (эпи-демос) природной материи. Во-вторых, посредством христианского кода (акцент на «люди православныя», то есть верящие в метафизическое спасение; отсылка в образах персонажей к типам юродивого и нечистого⁴; аллюзии к Страшному суду и несправедливой казни Христа и пр.) ставится вопрос о возможности избавления людей от человеческой (греховной, низкой) сущности, то есть спасения духовного. Таким образом, сотериологическая проблематика ставится в повести в нескольких аспектах: 1. Онтологическом: возможно ли спасение от смертной природы человека (избавление от болезни) средствами, изобретенными учеными (медициной); возможно ли спасение верой? 2. Этико-экзистенциальном: возвысившийся до долженствования человек может спасти людей или хотя бы самого себя от физической смерти и от своей низкой человеческой сущности, предопределяющей искушение и отступление от намеченной цели, собственных принципов? Неисполнение своего долга – результат личного выбора или влияние надличных обстоятельств? И тогда есть ли вина за гибель другого?

Пространственная система повести организована оппозициями: «дом – путь», «дорога – бездорожье», «движение – остановки».

Начальная точка движения – дом Перхуши – описывается несколькими значимыми деталями: хата, хотя и не обустроена, дана как упорядоченное пространство жизни, тепла, безопасности: «... в сенях пахло почему-то *пасекой*... Этот *летний*, милый запах никак не вязался с февральской метелицей»; «горели дрова в большой русской печи, на столе одиноко стояла деревянная солонка, лежала коврига хлеба под полотенцем, темнела одинокая икона в углу» [8, с. 14]. Оппозицией дому-космосу является природное «дикое, враждебное, воюющее белое пространство» русской степи [8, с. 131], где царствует метель, хаос, холод, и конечный пункт назначения – Долгое.

³ А. Наринская определяет сюжет повести как историю «из жизни чеховского героя, попавшего в толстовские обстоятельства (скрашенные Буниным, Булгаковым и др.)» [9]; Ю.Ю. Даниленко называет «первоисточниками» повести «Хозяина и работника» Л. Толстого, «Метель» А. Пушкина, «Палату № 6» А. Чехова [10]; на отсылку к «Запискам юного врача» М. Булгакова указывает М. Липовецкий [11].

⁴ Е. Е. Завьялова убедительно доказывает, что Перхуша соответствует образу блаженного: он постоянно блаженно улыбается, «... живет в доме под номером семь (сакральное число). Возит хлеб (основной элемент таинства евхаристии)... В сенях Перхуши пахнет «ульями, пергой и воском», он хотел бы завести пасеку (пчелы и мед символизируют Христа, бессмертие, чистоту души). Дельфин и бабочка... (возникающие в воспоминаниях и сне Перхуши. – Е. П.) в религиозной символике отождествляются с Творцом, спасением, воскресением» [12, с. 22–23]. Он не изменяет свое отношение к происходящему: покорно и без страха, с упованием на Бога принимает то, что ему посылается судьбой, не способен на обиду, злость и т. д.: «В этом лице была даже какая-то радость и благодарная покорность всему происходящему: метели, снежным полям, темному небу, доктору и пляшущему на ветру огню» [8, с. 208]. Тогда как в Гарине персонифицированы самые разные черты дьявольского: он постоянно чертыхается; ругается и вспоминает Бога по-немецки («Dumkopf» – дурак), «Mein God» – мой Бог) – свойственное российской ментальности сравнение европейского с нечистой силой.

Выстраивая растянувшееся на несколько суток перемещение по русской степи, В. Сорокин использует прием возрастающей градации, усиливая знаки проявления действия inferнальных сил по мере отдаления от дома Перхуши и приближения к Долгому. В частности, чем ближе к финалу, тем чаще теряется дорога, снег застилает глаза и мешает передвижению; персонажи многократно, в основном Гарин, поминают черта как виновника их перипетий («черт дернул», «В буерак черт столкнул»); все больше природная стихия пугает Гарина, интерпретируется им как проявление дьявольского.

Остановки в пути включают семантику (во многом благодаря аллюзиям на фольклорные, христианские мотивы, сюжеты классической литературы и массовой культуры) пограничной зоны или этапа на пути в загробный мир и одновременно посредством этого развивается мотив отступления Гарина от своего долга, моральных принципов, формируя сюжетную линию испытания, искушения.

Первый вынужденный постой путников – у мельника, связанного в народном сознании со служением нечистой силе, на мельнице. Н. М. Ведерникова отмечает, что из-за расположения на границе двух миров (жилого и нежилого) мельница воспринималась двойственно: как еще свое, но уже и враждебное, чужое пространство [13, с. 6]. В «Метели» в доме мельника располагаются иконы, мельничиха поминает Господа, крестится, но при этом акцентирован конфликт блаженного Перхуши с мельником-«ругателем», злым и злословящим. Мельница – место, где Гарин впервые отступает от своего намерения ехать спасать людей безотлагательно, соблазняясь провести ночь с мельничихой. На мельнице Гарин пока неосознанно принимает возможность альтернативного отношения к служению (можно не спешить). Эпизод беспричинной задержки задает мотив *выбора внутреннего пути*, который воплощается и в пространственном перемещении персонажей. После выезда с мельницы, заплутав, путники *неожиданно для себя* приближаются к *развилке* и оказываются в ситуации *выбора*: «Перхуша *не помнил* этой развилки. <...> Но теперь *надо было решать, куда ехать* – направо или налево» [8, с. 134 – 135]. Перхуша выбирает путь налево. Дальнейшее разворачивание ситуации позволяет говорить об отсылке и к христианской семантике левого как нечистого (грешники располагаются по левую руку от Христа), и к сказочному мотиву выбора пути: «Направо пойдешь – коня по-

теряешь, себя спасешь; налево пойдешь – себя потеряешь, коня спасешь...» и т. д.

Сворачивая влево, путники вначале оказываются возле кладбища [8, с. 139], а затем попадают в жилище витаминдеров – создателей и продавцов наркотиков. Витаминдеры имеют имена, состоящие из слов колыбельной песни, исполняемой в телепередаче «Спокойной ночи, малыши» – Задень, Скажем, Баю Бай. Соблазняя доктора остаться, не ехать в Долгое, прислужницы витаминдеров поют колыбельную («Задень, мы *устали о-о-очень*» [8, с. 181]), слова которой обретают иной смысл, закрепляя за ситуацией остановки в пути семантику отдохновения от сложной, утомляющей жизни.

Остановку у витаминдеров и задержку ради «снятия пробы с нового продукта» сам доктор расценивает как безнравственный проступок: «Устыдившись своей слабости, он устыдился и собственного стыда, а потом, устыдившись этой двойственной стыдливости, внутренне вознегодовал, обрушился на себя яростно и резко: „Идиот... сволочь... чистоплюй проклятый...“» [8, с. 151 – 152]. Но сил отказаться от употребления наркотика у него не хватает⁵. Однако, погружаясь в бессознательное состояние, доктор переживает не наслаждение, а свою *смертную казнь*.

В его галлюцинациях смешиваются расхожие образы *ада, страшного суда* (его жарят в котле с постепенно нагревающимся маслом на площади возле собора) и *неправедной казни Христа*. Не имея других аргументов для самооправдания, он вспоминает о заповедях: «Он говорит о вере. Вера должна делать людей добрее. <...> Два тысячелетия минуло со смерти Христа, а люди по-прежнему не научились любить друг друга» [8, с. 173–174]. Неискренность слов Гарина, произносимых только ради *спасения* себя, восстанавливается из логики его речи. Вначале он заявляет об отсутствии страха смерти, ибо «он человек верующий», «о своей невинности», о «благородной профессии врача», «перечисляет имена больных, которых он *спас*» [8, с. 170], но это не помогает, и он публично признается в совершенных «ошибках» («...не поехал к больному и больной умер. Он много лгал за свою жизнь» и др.), в том числе в ненависти к России (желал ей «провалиться в тартарары»). Знаково, что нравственные «ошибки» (сворачивание женщины, соучастие в гибели людей, ложь и злословие) он не считает преступлениями: «Но он никогда не был преступником», так как исправно платил налоги, был «законопослушным гражданином» [8,

⁵ Наркотики оказываются и единственным «сиянием», радостью в жизни «провинциального врача». Но символично, что впервые самокат останавливается и ломается (именно поэтому путники были вынуждены свернуть на мельницу для починки полоза), сталкиваясь с пирамидой – новым продуктом наркодилеров. В. Сорокин буквально воплощает в сюжете образное выражение «из-за наркотиков сошел с пути истинного».

с. 171–172]. Даже в момент адской муки Гарин не способен на покаяние и ищет другие аргументы для спасения своей жизни: «Но даже преступник ... дает шанс жертве *спастись*. <...> Когда же казнят человека, ему не оставляют никаких шансов *на спасение*» [8, с. 172]. Наконец, он обвиняет своих палачей (народ какого-то европейского города) в совершении «великого греха» – казни невинного, намекая на распятие Христа. В наркотическом бреду Гарина сконцентрированы отсылки к Евангелию⁶. Возникают образы безвинных детей (но они спят и не могут спасти его), голубей: «Голуби *спасут* его. Я умру? <...> Он улетит. Я умру! <...> Ямру! Народная песня? <...> Этого *прекрасного* народа. Ямру! Этого *проклятого* народа. Ямру! Этого *злого* народа. Ямру! <...> Они хотят его *прекрасной смерти*» [8, с. 177]. Вопрос «я умру?» сменяется восклицанием «ямру!», то есть констатацией умирания как длящегося процесса (глагол несовершенного вида – «мру» – означает длительность действия). Гарин, вопреки начальным уверениям, испытывает ужас физической смерти, а веры в воскресение, в метафизическое спасение у него нет. Он ассоциирует свое служение людям с миссией спасителя, но не готов повторить подвиг Христа, не может соответствовать этой высокой роли. Бред Гарина проявляет его вину, которую он, однако, снимает самооправданием. Так, в сюжетной линии Гарина поддерживается мотив отступления от избранного пути (и в прямом значении, и в переносном – внутреннего следования к цели).

Следующая остановка путников вызвана поломкой полоза, въехавшего в ноздрю напившегося и *замерзшего* в русской степи «большого»⁷. Перхуша вынужден рубить нос гиганта, чтобы освободить лыжу. Так Сорокиным иронично снижается сказочный мотив победы богатыря над головой великана. Кроме того, вместо меча-кладенца, который в сказках нужен для победы над нечистой силой, Гарин обнаруживает сделанного великаном снеговика с чудовищного размера детородным органом, который угрожающе нависает над доктором, воплощая собой грубый жест унижения и насмешки⁸. Доктор бродит кругами и все натывается на зловещую снежную статую, при виде которой

им обуревают ужас, он панически крестится. Следуя сказочной схеме, Гарин должен прибыть в Долгое и выйти из него живым, то есть пройти своеобразный обряд инициации, но этого не происходит – он не добирается до места назначения, а значит, не подтверждает статус героя, способного победить смерть.

Название конечного пункта – Долгое – многозначно. Во-первых, включает семантику долга, долженствования («Я непременно сегодня *должен* быть в Долгом» [8, с. 82]). Во-вторых, оно означает характеристику чего-то протяженного во времени (обычно занимающий два часа путь растянулся в нескончаемое плутание по российской «снежной бесконечности»). Наконец, «Долгое» родственно со словом «далее» [14], тем, что следует впереди. Соответственно, стремление доктора может быть интерпретировано как попытка исправить, исцелить будущее России, зараженное болезнью, «занесенной в Россию какими-то сволочами из *далекой, богом забытой* и ни одному *русскому* человеку к *чертям* собачьим не нужной Боливии⁹» [8]). Полагаем, что эти смыслы срабатывают не только на социально-историческом уровне¹⁰, но и онтологическом: Россия нуждается в спасении от зомби («живых мертвецов»), то есть от торжества *бездушной* и разрушающей все вокруг материи. Недостижимо ни то, ни другое.

Итак, автором задается вектор движения из места жизни в локус смерти. В этом контексте мешающая добраться до конечного пункта метель должна быть рассмотрена в двух ракурсах – онтологическом и экзистенциальном¹¹. Онтологически метель – это сама жизнь, нахождение в потоке которой не дает возможности увидеть дорогу; это метафора жизни-хаоса, в котором некомфортно существовать, но у путника, покинувшего дом, есть лишь возможность временных передышек или окончательного выхода – в смерть. Поэтому семантика мест, в которых вынужденно останавливаются персонажи по пути в Долгое, амбивалентна. С одной стороны, мельница и жилище наркдилеров наделены семантикой дьявольского. С другой стороны, остановки замедляют движение в гиблое место.

⁶ В данном случае нет цели исчерпывающего перечисления. Подробный анализ евангельских аллюзий в одном этом эпизоде может составить отдельное исследование.

⁷ В повести воссоздан мир, где живут маленькие, обычные и большие (гигантские) люди и животные.

⁸ М. Липовецкий интерпретирует этот эпизод как символическое надругательство «страшным снеговым великаном», воплощающим Россию, над интеллигентом-модернизатором и западником [11].

⁹ Вероятно, при выборе страны, из которой пришла в Россию «черная» болезнь, В. Сорокину были важны не только боливийские легенды о «зомби», но и созвучие название с русским «боли», «болеть».

¹⁰ М. Липовецкий доказывает, что Гарин воплощает традиционный в отечественной словесности тип интеллигента-модернизатора, желающего перестроить Россию [11].

¹¹ Здесь мы не говорим о метели как метафоре российской истории, в которой «заплутали» барин и интеллигент, в силу того, что эта трактовка освещена в исследовании М. Липовецкого [11].

Экзистенциально же метель – это внешние обстоятельства, на которые носитель неэкзистенциального сознания сваливает вину за несовершенство, недостижение собственной цели. Каждая остановка врача (на мельнице, у витаминдеров) знаменуется тем, что метель утихает, можно ехать, но доктор сам отсрочивает выезд: «Можно было и сейчас поехать», – думает он, но вождление побуждает долг: у мельничихи «...в доме ждет тебя теплое, живое, трепетное, на чем держится и от чего зависит весь этот человеческий мир, со всеми его... городами, эпидемиями, самолетами и поездами, и это теплое, женское ждет твоего желанья, твоего прикосновения» [8, с. 94]. Гарин каждый раз искушается, и на каждой остановке все сильнее звучит голос самооправдания. Так, на почтовой станции и у Перхуши дома он, возвышая голос, требует содействия, не готов отсрочить выезд. Но, задерживаясь у мельничихи, уже думает: «Ничего страшного не случится. Напишу объяснительную...» [8, с. 85]. Последняя фраза служит явному снижению образа спасителя: оказывается, важен не внутренний долг, а следование внешнему императиву, который легко снимается бюрократической отпиской. А после переживания в наркотическом бреде собственной казни Гарин вообще перестает спешить на помощь людям, размышляя о тщетности целеустремленности: «Почему мы все время куда-то торопимся? – думал он, с наслаждением втягивая и выпуская дым. – Я тороплюсь в это Долгое. Что будет, если я приеду завтра? Или послезавтра? Ровным счетом ничего. Зараженные и укушенные все равно уже никогда не станут людьми. <...> Но я не волен преодолеть это холодное снежное пространство одним махом. Я не могу перелететь через эти снега...» [8, с. 229].

Русский интеллигент, инициатор отправления в дорогу, склонен винить в своей неудаче то обстоятельства, то других. А именно русского мужика: «Он вдруг понял, что Перхуша, этот бесцельный, никуда не стремящийся человек, с его разболтанной неторопливостью, с извечной мужицкой надеждой на авось и есть то, что препятствует пути доктора, его прямому движению к цели» [8, с. 222]. В этом эпизоде, как и сюжете произведения в целом, соединяются два интертекстуальных пласта. Все поведение Перхуши во время пути отсылает к

типичной в реалистической литературе XIX в. ситуации беспомощности барина без мужика (например, «Как мужик двух генералов прокормил» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Хозяин и работник» Л. Н. Толстого и т. п.). Наряду с этим уже в завязке актуализируется тема первой трети XX века – выгода интеллигенцией народа из домашнего существования в смуту¹². В «Метели» блаженный русский народ безропотно принимает навязанную волю, исполняет указание, в конечном счете снимая с себя ответственность за результат. Но то же делает и барин-интеллигент, обвиняя в недостижении цели русского мужика, довольного своим убогим бытием¹³ и ни к чему не стремящегося. Это убедительно показано в эпизоде препирательства при очередной поломке полоза. Перхуша говорит доктору: «Так ведь вы ж гнали», на что тот отвечает: «Я-то гнал, а правил-то ты, дурак...», «Куда ты меня завез, ду-у-р-рак?!» [8, с. 238].

Мысли доктора свидетельствуют о переложении ответственности с себя на обстоятельства, на других, но анализ сюжета позволяет предположить, что для В. Сорокина объяснение этих поступков не сводится к духовной слабости и безвольности русского интеллигента, не способного соответствовать высокой миссии спасителя. Есть и объективные, не зависящие от воли человека, надличностные обстоятельства, которые он не может преодолеть. Эта идея реализуется в произведении через ряд конкретных ситуаций. Не могут сдвинуться с места малые лошади, испугавшись волков. И доктор думает о защищающем лошадок вознице: «...метель улеглась. Но он (Перхуша. – Е. П.) не хочет ехать... Бред какой-то!» [8, с. 223]. Дорога постоянно теряется в снежной мгле, снег и ветер не дают возможности перемещения; путники блуждают, не могут понять, в какую сторону ехать и т. д. То есть и сам Гарин отступает от своего долга, и внешние обстоятельства препятствуют его исполнению.

Таким образом, В. Сорокин, сохраняя морально-этический¹⁴ аспект взаимодействия народа и интеллигенции, выходит к онтологическому: может ли человек своими силами изменить бытие, преодолеть устремленность материи к энтропии, распаду, смерти? Получается, что просвещенный, но, оказывается, оторванный от реальной жизни «барин» уводит «мужика» от «домашних» пред-

¹² В частности, философы-«веховцы» писали об ответственности интеллигенции за произошедшие в России начала XX в. события: просвещение народа и радование за его благополучие обернулось революцией, гражданской войной, привело к «безвыходному тупику» (М. Гершензон).

¹³ На вопрос Гарина о том, чтобы Перхуша хотел изменить, тот отвечает: «А ничего. Мы своей жистью довольны» [8, с. 192].

¹⁴ Нравственная проблематика, казалось бы, сближает писателя-постмодерниста с реалистами (Л. Толстым, А. Чеховым и т. д.), но эстетический модус ее воплощения другой: художественный мир построен по принципу не миметизма, а нарочитой условности, где функционируют персонажи-знаки. Гарин вызывает авторскую иронию, но происходящие с персонажем беды не обусловлены его безнравственностью, финал повести не прочитывается как кара высших сил за грехи.

ставлений о мире, о жизни, и они вместе вынужденно и мучительно долго продвигаются от смутного неведения к страшному, неутопическому *знанию о гибельности природной материи*, к пониманию, что нет спасения от разрушения физического бытия и нет помощи извне.

Вера Гарина в способность человека «цивилизацией победить природу» не проходит проверку стихией. Между Гариным (не случайно его фамилия образована от существительного «гарь», имеющего этимологическое родство со словом «жар» [14], т. е. по значению противоположна снегу¹⁵) и метелью¹⁶ как бы возникают отношения противоборства (направленности на противоположные цели¹⁷). Вместе с тем слово «гарь», от которого образована фамилия врача, означает запах или уже выжженное пожаром место, то есть что-то связанное с огнем, но уже лишенное его действенной силы. Доктор проигрывает стихии; метель лишает его возможности двигаться – он отморозил ноги. Доктору не помогает ни медицина (наука), ни обращение к Богу.

В повести в целом дискредитируется действенность использования медицинских средств. Например, Гарин смазывает мазью Вишневского и бинтует сломанный полоз, то есть делает «операцию», заведомо не обеспечивающую долгосрочный результат, «исцеление». Знаковым является рассказ Перхуши о получении им прозвища: он болел чихоткой (перхал), но вылечился *без помощи врачей, как-то само прошло*. То есть, по сути, народу не нужен доктор, спаситель; он способен на самоизлечение благодаря *вере* в покровительство Бога (Перхуша считает, что его «Господь уберег»).

В завязке повести доктор безапелляционно верит в свою способность дойти до цели, спасти зараженных (устойчиво повторяется реакция удивления окружающих – мельника, мельничихи, витаминдеров – бесстрашием доктора). Но ближе к финалу повести вера в возможности человека, в победу цивилизации над природой тает из-за торжества стихии, и у явно атеистически ориентированного Платона Ильича возрастает страх, переходящий в ужас, и он все чаще обращается к Богу.

В начале повести Гарин, в отличие от остальных, не замечает иконы, не крестится, постоянно чертыхается, зевает от скуки в момент переключения канала радио на церковную службу в доме мельничихи. Он произносит: «Не имеем мы право назад повернуть. *Не по-христиански*» [8, с. 49]

только для того, чтобы убедить Перхушу ехать, понимая, что это будет весомым аргументом для возницы. Затем Гарин вспоминает о Боге в момент благодушного настроения под действием наркотика: «Доктор снял малахай, *перекрестился и поклонился* этому родному, холодному, белому и свистящему пространству...» [8, с. 185]. Он цитирует Библию, обнимает Перхушу («Все люди братья, Козьма...» [8, с. 183]), славит бытие Божие [8, с. 187]. Но это не изменение позиции: когда действие наркотика заканчивается, герой вновь преисполняется ненавистью к стихии, проклиная холод, «бесконечную зимнюю ночь», «дурака» Перхушу, у него вновь появляется недовольное выражение лица, неприятие всего окружающего.

Знак авторской иронии – обращение неверующего, не соблюдающего заповедей доктора к Богу в момент предчувствия смерти. Близость и недостижимость цели пути (Долгого) настолько необъяснимы логикой, что Гарин поддается панике, начинает действовать иррационально: ««Господи, помилуй мя, грешного...», – забормотал доктор, опускаясь на четвереньки» [8, с. 134]. Авторскую иронию выдает контраст высокого стиля молитвы (со старославянским «мя») и разговорных слов «четвереньки», «забормотал». Паническая мольба доктора – признак отчаяния, а не веры: «Ему вдруг стало страшно. <...> Он понял, что никогда не выберется из этой проклятой, бесконечной зимней ночи. “Т-господ-ди... пом-мил-луй...”, – стал молиться он, клакая зубами так, словно кто-то вставил в них отдельный моторчик фирмы “Klatzer”. <...> “Т-господ-ди, об-борони и вывед-ди...”, – трясся доктор, стоная, как от боли» [8, с. 256]. Обращение к высшим силам недействительно: о спасении души Гарин и не думает, а для спасения тела единственная надежда остается на физическое тепло (разведение костра, а затем и согревающее дыхание лошадок).

Последний сон Гарина прочитывается как ирония автора над попыткой спасения в Божьем доме. Доктора хватают жители Долгого, превратившиеся по его вине в зомби, а он бежит в храм, чтобы спастись. Там, наконец, он обретает гармонию, радость, счастье – венчается с Ириной (от εἰρήνη – «мир», «покой» [15]) и, наконец-то, следует христианским заповедям – испытывает любовь не только к ближним своим, но и врагам: «...он любит Ирину, ... он любит и зомби, которые шевелятся и рычат под полом церкви, он любит всех, всех...» [8,

¹⁵ Отдельного внимания заслуживает мотив сближения Гарина с огнем: горение, костер присутствуют в его снах и галлюцинациях: желая спастись от холода, он чуть не прыгает в костер, чуть не загорается; Перхуша его удерживает от этого.

¹⁶ В. Сорокин в интервью не раз подчеркивал, что Метель в его повести – самостоятельный герой, субъект.

¹⁷ Отметим, что целеустремленность – характеристика, которая особо подчеркивается в портрете Гарина. А слово метель этимологически восходит к «метать», «бросать» [14], т. е. включает значение целенаправленного действия.

с. 283]. Бессознательное продуцирует *иллюзию* спасения, построенную на известных Гарину религиозных представлениях, когда он находился в ситуации измененного сознания – сна, вызванного переохлаждением. Но даже во сне спасение невозможно, церковь не ограждает его от зомби.

В отличие от Гарина, Перхуша¹⁸ верует по-настоящему, постоянно славит Бога¹⁹. С образом возницы связана проверка спасительности искренней, безусловной и внерациональной веры в Бога, а также аскетичного образа жизни, включающей только необходимое для поддержания существования. Имя Перхуши – Козьма (от греческого Κοσμάς – мир, порядок, вселенная), в соответствии с семантикой которого он и в пути старается обустроить вынужденные постой (разводит костер, чинит самокат). Внутреннюю логику повествования отражают изменения отношения Перхуши к дому. Вначале о возвращении домой, к теплой печи Перхуша мечтательно думает у мельника, где оказался вынужденно. Затем в степи он переживает, что дом будет выстужен: «...Перхуше *обиднее всего было*, что дом стоит нетопленным. <...> Ему стало зябко и неудобно» [8, с. 132]. Дом дан как противоположность стихии, хаосу, холоду. Но в нем необходимо поддерживать порядок, поэтому долгое отсутствие хозяина вызывает тревогу, волнение: нетопленная печь и охлаждение дома означают вхождение внешней незащищенной, холодной реальности во внутреннее пространство.

Исчезновение мыслей о доме – знак наступившего равнодушия после того, как Гарин ударил Перхушу и готов был избить лошадак²⁰, не способных от страха двигаться дальше. Выпив *спирта*, примирительно протянутого доктором, «он уже не думал про свой нетопленный дом...» [8, с. 230].

В финале, когда путники заблудились и потеряли возможность передвигаться, Перхуша сосредоточился на выживании, *спасении* себя, лошадак и доктора от смерти (замерзания), но житейская мудрость также не спасает, так как обнаруживается трещина в самокате, дыра в одежде – прорехи в обустроенном человеком пространстве, куда прони-

кает губительная стихия. Финальный сон, сопутствующий умиранию Перхуши, – о *доме отца*, которой сгорел по вине Перхуши. Очевидна коррелятивная пара тепло печи / огонь пожара, схожего со снежной напастью своим уничтожающим, разрушающим потенциалом. В последнем сне Перхуши, хотя он сам и успевает *спасти* бабочку (символ души) и себя, дом-бытие уничтожается стихией. Он – инициатор пожара, не способен его предотвратить или остановить.

В сюжетной линии Перхуши (кроме указанной динамики – от заботы до равнодушия о доме) прослеживается еще одна: доверяясь Гарину, Перхуша совершает свое отступление от самого себя: после витаминдеров он *не знает, куда ехать*, но «от доктора пошла такая волна уверенности и правоты, что сразу как-то *смыла* с Перхуши всяческие сомнения и всякую *ответственность*» [8, с. 186]. Наконец, он разрешает доктору «хлестануть» по лошадакам.

Финал повести содержит явную отсылку к Всемирному потопу. Когда все тонет в снегу (застывшей воде), капор самохода используется Перхушей как спасительный ковчег (затем он становится его «гробом» [8, с. 301]). Но организуется спасительное место не посредством участия метафизических сил, и спасительным оказывается *животное* тепло, которого, однако, не хватает. Ирония автора над мыслью о спасении Богом праведных прочитывается в финале: барин выживает, а Перхуша, ни разу не искусившийся, смиренно принимающий происходящее как испытание, ниспосланное Богом²¹, закрывая собой прореху в капоре, замерзает.

Интеллигент-барин, в котором не развито духовное начало, проявляются безнравственные черты, физиологические желания побеждают социальный, профессиональный долг, присваивает себе право указывать другим, как поступать, что делать, распоряжается ими, буквально занимает их место и этим отвоевывает себе жизнь²². Спасителя ценой своей жизни спасает другой. Отмороженные ноги Гарина – семантика остановки в пути и констатация неспособности самостоятельно передвигаться. То, что в финале Гарина находят китайцы²³, прочи-

¹⁸ Подробно особенности характерологии персонажей и используемый автором принцип противопоставления героев проанализированы в работе Е. Е. Завьяловой [16].

¹⁹ «И слава Богу» [8, с. 31, 32, 85, 128, 130, 196]; «Господь уберег» [8, с. 33], «Ну и слава Христу» [8, с. 49], «Тут меня ангел Божий сподобил...», «поедем, как Бог даст», «Бог даст, доедем» [8, с. 127].

²⁰ Очевидна отсылка к сложившейся в русской литературе традиции проверять персонажа «хорошим отношением к лошадям» (Ф. Достоевский, В. Маяковский и др.). Гарин экзамен на гуманность проваливает, ударяя наотмашь блаженного Перхушу, а затем «хлестнув» малых лошадак.

²¹ «Господи, да за что же мне такое пропадание?» [8, с. 239], «Господь, видать, на меня обиделся...» [8, с. 240].

²² В. Сорокин дает ироничный комментарий финалу: «Я слишком очарован нашей интеллигенцией. Если бы я был разочарован, доктор Гарин, по всей вероятности, замерз бы вместе с Перхушей. А так он выживает, хоть и напрочь отморозив себе ноги. Для настоящего русского интеллигента это, безусловно, счастливый конец» [17].

²³ Образ китайцев связан с футурологическими прогнозами Сорокина (об этом [18]).

тывается не как спасение, а новый этап испытаний, за которым – тревожащая доктора безвестность, что-то «очень тяжкое, суровое, о чем он раньше и помыслить не мог» [8, с. 301].

Весь сюжет «Метели», завершаясь таким образом, актуализирует вопрос о виновных в гибели русского народа. Получается, это вина самого народа, не способного себя защитить (Перхуша добровольно выходит из дома и пускает в капор доктора), и интеллектуалов, желающих изменить мир к лучшему, но не учитывающих условия реальности. Человек, оказавшийся в обстоятельствах, которые не поддаются пониманию, логике, объясня-

ет их при помощи версий, сложившихся в культуре, поэтому для персонажей метель – чей-то высший замысел, бросивший на цивилизацию и народ гибельную стихию. Для В. Сорокина же, если прочитывать повесть как развернутую метафору, метель – это проявление онтологического закона амбивалентности материи, дающей жизнь, но одновременно и разрушающей, поэтому и спасение оказывается невозможно.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках научного проекта № 17-34-00017а1.

Список литературы

1. Дергалиев С. (свящ.) Введение в православную аскетику: Основы православной онтологии и антропологии. URL: <http://duhpage.sed.lg.ua/Biblioteka/DuhNastavl/Asketika/03.htm> (дата обращения: 12.12.2016).
2. Библия. Новый Завет. Синодальный перевод. URL: http://days.pravoslavie.ru/bible/B_otkr21.htm (дата обращения: 12.12.2016).
3. Абашева М. П. Сорокин нулевых: в пространстве мифов о национальной идентичности // Вестн. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. № 1 (17). С. 202–209.
4. «В такое время трудно уберечь в себе гражданина»: интервью В. Сорокина (2015). URL: <https://lenta.ru/articles/2015/08/06/srkn/> (дата обращения: 26.07.2017).
5. Нагина К. А. «Метельный» мир в творчестве А. Блока, А. Белого, В. Брюсова на фоне литературной традиции // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metelnyy-mir-v-tvorchestve-a-bloka-a-belogo-v-bryusova-na-fone-literaturnoy-traditsii> (дата обращения: 26.07.2017).
6. Нагина К. А. Универсалии русской литературы. Учебно-метод. пособие. Воронеж, Изд. дом ВГУ, 2014. 19 с.
7. Владимир Сорокин: «Россия не хочет нас учитывать». Интервью Н. Ивановой для журнала «Time Out Москва». №14. 12–18 апреля 2010 года. URL: <http://www.srkn.ru/interview/vladimir-sorokin-rossiya-ne-khochet-nas-uchityvat.html> (дата обращения: 26.07.2017).
8. Сорокин В. Метель. М.: Астрель: АСТ, 2010. – 304 с.
9. Наринская А. Сочинение на заданную тему: «Метель» Владимира Сорокина. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1345431> (дата обращения: 26.07.2017).
10. Даниленко Ю. Ю. Реминисценции классики в современном тексте (на материале повести «Метель» Владимира Сорокина) // Филологический класс. 2012. № 2 (28). С. 113–117.
11. Липовецкий М. «Метель в ретробудущем»: Сорокин о модернизации. URL: <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details/17810/> (дата обращения: 26.07.2017).
12. Завьялова Е. Е. Интеллигент и Божий человек из будущего: о главных героях повести В. Сорокина «Метель» // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 397. С. 19–23.
13. Ведерникова Н. М. Мельницы и мельник в русской мифологии // Научный диалог. 2014. № 12 (36). С. 6–22.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://vasmer.lexicography.online/> (дата обращения: 26.07.2017).
15. Словарь имен. Этимология (значение, происхождение). URL: <http://imja.name/imena/slovar-imen-T.shtml> (дата обращения: 26.07.2017).
16. Обнять Метель: интервью Владимира Сорокина Н. Кочетковой // Известия. 2 апреля 2010 года. URL: <http://www.srkn.ru/interview/obnyat-metel.html> (дата обращения: 26.07.2017).
17. Руднер Е. Владимир Сорокин написал «Метель» // Сноб. 2010. 4 апреля. URL: <https://snob.ru/chronicle/entry/16332> (дата обращения: 26.07.2017).
18. Хабибуллина М. Н. «Очарованность Китаем»: образ транскультурного будущего в творчестве В. Сорокина // Уральский филол. вестник. 2014. № 4. С. 68–76.

Полева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: polevaea@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 15.08.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-226-235

SOTERIOLOGIC PROBLEMATICS IN THE NOVEL BY VLADIMIR SOROKIN “METEL’”

E. A. Poleva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The examination of different ideas and versions of salvation is found in a number of works by modern Russian writers, including Sorokin's novel “Metel’” (Snowstorm) (2010). The central character doctor Garin realises his mission of the Savior. He is going in a place captured by epidemic of plague, which conditions plot development. The allusion plan is important, since by building references to the Russian literature of the 19th and 20th centuries Sorokin rethinks the traditional for Russian culture questions: responsibility of intelligentsia to the people, possibilities of correction of low human nature (by divine effect or by following to ethics rules or a call of duty). Author's understanding of soteriologic problematics is developed through motive of salvation and motives of futility, destruction, illness, entropy that are antonymous to it.

The article analyses the images of characters and features of creative space of the novel “Snowstorm”. It is specified, that images of Garin and Perkhushin are referenced to traditional types of the Russian literature: a barin and a muzhik, an intellectual and a representative of the people, the God's fool (blissful) and impious. The space of the novel is organised by opposition: home – homelessness (snowstorm). The home associates with paradise, safe existence, heat, and the snowstorm does with cold, death, lack of roads, potentially disastrous chaos of the life. The motive of a snowstorm is sent to archetypical (biblical) motive «storm in wilderness» that assumes tempting, moral test of the hero. In Sorokin's novel Garin, who thinks of himself as a Savior, does not pass the test: he defects, isn't ethically suitable for the high mission, cannot defeat human sinful nature. He is not capable to carry out the mission of the Savior without the assistant (an ordinary muzhik, carter Perhusha); and in the end he is protected from death by the price of the life of other man.

The author ironically denied secular and Christian versions of salvation: neither the hope to God (Perhusha), nor the belief in the science and capabilities of a human (Garin) do not help to execute the rescue mission: Perhusha perishes, Garin expects a difficult life after his feet are frostbitten and he is found by Chinese.

Key words: *modern Russian literature, Vladimir Sorokin, motive of salvation.*

References

1. Dergaliev S. (svyashch.) *Vvedeniye v pravoslavnyuyu asketiku: Osnovy pravoslavnoy ontologii i antropologii* [Introduction to Orthodox asceticism: the fundamentals of Orthodox ontology and anthropology] (in Russian). URL: <http://duhpage.sed.lg.ua/Biblioteka/DuhNastavl/Asketika/03.htm> (accessed 12 December 2016).
2. *Bibliya. Novyy Zavet. Sinodal'nyy perevod* [The Bible. New Testament. Synodal Interpretation]. URL: http://days.pravoslavie.ru/bible/B_otkr21.htm (accessed 12 December 2016) (in Russian).
3. Abasheva M. P. Sorokin nulevykh: v prostranstve mifov o natsional'noy identichnosti [Sorokin of the 2000-s: in the space of national identity myths]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2012, no. 1(17), pp. 202–209 (in Russian).
4. “V takoe vremya trudno uberech' v sebe grazhdanina”: interv'yu V. Sorokina (2015) [“In such times it is difficult to protect a citizen in yourself”: interview with Vladimir Sorokin (2015)] (in Russian). URL: <https://lenta.ru/articles/2015/08/06/srkn/> (accessed: 26.07.2017)
5. Nagina K. A. “Metel'nyy” mir v tvorchestve A. Bloka, A. Belogo, V. Bryusova na fone literaturnoy traditsii [“Blizzard” world in the works of A. Blok, A. Bely, V. Bryusov, on the background of literary tradition]. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika – Vestnik of St. Petersburg State University. Language and Literature. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2011, no. 3 (in Russian). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metelnyy-mir-v-tvorchestve-a-bloka-a-belogo-v-bryusova-na-fone-literaturnoy-traditsii> (accessed 26 July 2017).
6. Nagina K. A. *Universalii russkoy literatury. Uchebno-metodicheskoye posobiye* [Universals of Russian literature. Educational-methodical manual]. Voronezh, VSU Publ., 2014. 19 p. (in Russian).
7. *Vladimir Sorokin: “Rossiya ne khochet nas uchityvat’”*. Interv'yu N. Ivanovoy dlya zhurnala “Time Out Moskva”. No.14. 12–18 aprelya 2010 goda. [Vladimir Sorokin: “Russia does not want take us into account” Interview of N. Ivanova to the magazine “Time Out Moscow”. No.14. 12–18 April, 2010] (in Russian). URL: <http://www.srkn.ru/interview/vladimir-sorokin-rossiya-ne-khochet-nas-uchityvat.html> (accessed 26 July 2017).
8. Sorokin V. *Metel'* [Blizzard]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2010. 304 p. (in Russian).
9. Narinskaya A. *Sochineniye na zadannuyu temu: “Metel'” Vladimira Sorokina* [An essay on a given topic: “Blizzard” by Vladimir Sorokin] (in Russian). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1345431> (accessed 26 July 2017).
10. Danilenko Yu. Yu. Reministsentsii klassiki v sovremennom tekste (na materiale povesti “Metel'” Vladimira Sorokina) [Reminiscences of the classics in the modern text (on the material of the story “Blizzard” of Vladimir Sorokin)]. *Filologicheskii klass – Philological Class*, 2012, no. 2 (28), pp. 113–117 (in Russian).
11. Lipovetskiy M. “Metel' v retrobudushchem”: Sorokin o modernizatsii [“The Snowstorm in retro-future”: Sorokin about upgrading] (in Russian). URL: <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details/17810/> (accessed: 26.07.2017).

12. Zav'yalova E. E. Intelligent i Bozhii chelovek iz budushchego: o glavnykh geroyakh povesti V. Sorokina "Metel'" [The intelligent and man of God from future: on the main characters of the story "The snowstorm" by V. Sorokin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2015, no. 397, pp. 19–23 (in Russian).
13. Vedernikova N. M. Mel'nitsy i mel'nik v russkoy mifologii [Mill and Miller in the Russian mythology]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2014, no. 12 (36), pp. 6–22 (in Russian).
14. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] (in Russian). URL: <https://vasmer.lexicography.online/> (accessed 26 July 2017)
15. *Slovar' imen. Etimologiya (znachenije, proiskhozhdenie)* [The dictionary of names. Etymology (meaning, origin)] (in Russian). URL: <http://imja.name/imena/slovar-imen-T.shtml> (accessed: 26.07.2017).
16. Obnyat' Metel': interv'yu Vladimira Sorokina N. Kochetkovoy [Embrace the storm: an interview with Vladimir Sorokin N. Kochetkova]. *Izvestiya*. 2.04.2010 (in Russian). URL: <http://www.srkn.ru/interview/obnyat-metel.html> (accessed 26 July 2017).
17. Rudner E. Vladimir Sorokin napisal "Metel'" [Vladimir Sorokin wrote "The Snowstorm"]. *Snob*, 04.04.2010. URL: <https://snob.ru/chronicle/entry/16332> (accessed 26 July 2017) (in Russian).
18. Khabibullina M.N. "Ocharovannost' Kitaem": obraz transkul'turnogo budushchego v tvorchestve V. Sorokina ["Ocharovannost' Kitaem": the face of transcultural future in the works of V. Sorokin]. *Ural'skiy filologicheskij vestnik – Ural Journal of Philology*, 2014, no. 4, pp. 68–76 (in Russian).

Poleva E. A., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: polevaea@sibmail.com